

Улэйжо с раздражением сказал:

— Не плачь!

Красавец тут же перестал плакать и протянул руку, чтобы взять говядину из его рук. Улэйжо смотрел на эту слегка дрожащую нежную руку и вдруг почувствовал, что это немного забавно.

Красавец взял кусок говядины, не обращая внимания на жирные руки, и сразу же запихал его в рот. Съев один кусок, он быстро взял другой. Улэйжо повернулся к нему и, глядя, как тот ест с жадностью, с иронией сказал:

— Не брезгуешь грязью?

Если он не ошибался, эта «госпожа Чжаои» раньше презирала хунну, их одежду, их еду, их уродливость и дикость. Эта «госпожа Чжаои» не раз ставила его отца в неловкое положение в Царском дворе, говоря, что он не моется, что он воняет. Его отец был слишком доверчив и отдал жизнь за этого лживого и коварного ханьца.

Красавец, жуя невероятно вкусную говядину, покраснел и сказал:

— Я голоден.

Улэйжо с раздражением сунул ему в руки оставшуюся половину пакета с говядиной и нахмурился:

— Бери.

Красавец ел так быстро, что начал икать, его лицо покраснело, а бумажный пакет упал на него. Улэйжо, раздраженный, бросил ему флягу с водой.

Вода, естественно, была холодной, и от холода у него мурашки побежали по коже. Улэйжо смотрел, как он маленькими глотками пьет воду, словно с отвращением, и снова разозлился.

Эта Яньчжи всегда выводила его из себя. Он не знал, почему, но при виде нее он становился раздраженным. Она совершила ошибку, но выглядела так, будто не понимала, что произошло, с глазами, полными слез. Теперь она, кажется, потеряла память и во всем полагалась на него.

Улэйжо, раздраженный, сидел у костра перед повозкой, время от времени раздувая огонь.

— Чаган...

Красавец тихо позвал его сзади. Чаган было вымышленным именем, которое Улэйжо дал ему. Улэйжо с раздражением обернулся, и Красавец осторожно протянул ему флягу, жалобно сказав:

— Вода такая холодная, можешь ее подогреть?

Улэйжо рассмеялся. Он думал, что он — его отец, который будет потакать ему во всем? Улэйжо проигнорировал его и снова начал ковырять огонь палкой. Красавец с обидой прыгнул с повозки. Его «муж», казалось, был очень вспыльчивым и грубым с ним.

Красавец сел рядом с Улэйжо, взял маленький железный котелок из повозки, набрал снега и поставил его на огонь. Улэйжо холодно наблюдал за его действиями, полный презрения. Когда Красавец был у хунну, он часто присутствовал на кострах и видел, как хунну ели прямо у огня,

что вызывало у него отвращение. Эти хунну были такими грязными, даже не нанимали поваров, ели мясо, не дождавшись, пока оно приготовится.

Но теперь он сам стал «грязным хунну», потому что Чаган сказал, что он его жена, по имени Маоихан. Улэйжо выбрал это имя безжалостно. «Маоихан» на языке хунну означало «урод», в отличие от имени, которое дал ему отец, — Уцина, что означало «самая красивая луна».

Красавец наблюдал, как снег медленно тает и начинает испаряться, и с радостью потянулся к котелку, но тут же обжег руку. Он с болью схватился за руку и, со слезами на глазах, сказал «мужу»:

— Чаган, я обжег руку.

Он протянул обожженную руку Улэйжо, но тот даже не взглянул на нее, просто сказал:

— О.

Ночью Красавец не мог уснуть из-за боли в обожженной руке. Он лежал спиной к Улэйжо, тихо плача. Улэйжо, слыша его всхлипывания, не мог заснуть. Раздраженно он сел и потянулся к его руке.

Красавец с обидой спрятал руку у себя на груди, не давая ему посмотреть. Улэйжо сердито сказал:

— Покажи!

Красавец, кусая губу, молча плакал, все еще не показывая руку, словно действительно обиделся. В его памяти его муж никогда не был таким грубым. Он мог быть резким, но всегда относился к нему с добротой.

Улэйжо, глядя на его обиду, почувствовал досаду. Он не понимал, что с ним происходит, его сердце горело, как в огне. Улэйжо вышел из повозки и провел всю ночь у костра в снегу. Красавец все же уснул, держа руку на груди.

На следующее утро Улэйжо подогрел немного лепешек в котелке и сварил суп. Он резал жесткие куски баранины кинжалом, его лицо было мрачным, как дно котла. Красавец смотрел на серебряный кинжал в его руках, он казался ему изящным и красивым, и почему-то знакомым. Он тихо позвал:

— Чаган...

Чаган не ответил, продолжая резать баранину. Красавец громче позвал:

— Чаган!

Чаган злобно посмотрел на него, и Красавец тут же покраснел, заливаясь слезами:

— Ты... почему ты так со мной?.. Что я сделал не так?..

С тех пор, как он очнулся, его «муж» был мрачным и грубым. Улэйжо, видя, что он еще осмеливается плакать и спрашивать, в чем его вина, с раздражением бросил кусок баранины и отошел в сторону.

Суп подгорел, и когда Улэйжо, успокоившись, вернулся к повозке, она была пуста. Его лицо

побелело от страха, и он поспешил искать Красавца по следам. Красавец, с большим животом, завернутый в меховой плащ, медленно шел по снегу. Он шел и плакал, его «муж» был слишком жесток, он не мог это вынести. У Красавца был капризный характер, он дважды сбегал в степи, и теперь, когда Улэйжо так плохо с ним обращался, он не мог оставаться.

Улэйжо быстро нашел его по следам. Красавец, с опухшими от слез глазами, отталкивал его:

— Уйди!

Улэйжо, видя, как он, с большим животом, плачет так горько, почувствовал, будто его ужалила ядовитая пчела. Он взял его за руку и насильно повел обратно. Красавец продолжал капризничать, плача и ругаясь:

— Уйди, уйди, я не хочу быть с тобой!

Улэйжо просто поднял его на руки, понес в повозку и завернул в толстые меховые одеяла. Он не мог позволить ему уйти. Если он уйдет, как он объяснит это перед гробницей отца? Улэйжо утешал себя этим и быстро сварил еще один суп, который подал Красавцу.

Красавец все еще был обижен, но он был очень голоден. Теперь он ел за двоих, а Улэйжо часто смотрел на него с недовольством, поэтому он не мог насытиться. Утренний суп был особенно ароматным и сытным. Красавец съел две большие миски и наконец почувствовал себя сытым. Улэйжо, когда тот закончил, доел остатки супа и сухие лепешки.

После завтрака Улэйжо потушил огонь и приготовился выехать. Перед выездом он снова изменил их внешность. Он украл пропуска для пары торговцев. На пропуске мужчина был с большой бородой, и Улэйжо тоже отрастил бороду, чтобы быть похожим. Женщина на пропуске была толстой и выглядела злой. Красавец, хотя и был пухлым из-за беременности, имел милое и нежное лицо, совсем не злое, а скорее жалкое. Улэйжо использовал купленную краску, чтобы замазать его лицо и руки в черный цвет. Красавец с отвращением смотрел, как он наносит краску, и сердито сказал:

— Что ты делаешь?!

Улэйжо молча продолжал, испачкал его волосы и надел на него вонючую медвежью шапку. Красавец был в ужасе, а «муж» снова начал грубить:

— Сегодня ты будешь слушаться меня, иначе я привяжу тебя к конюшне.

Привязывание к конюшне было ужасным воспоминанием, это был обычный способ наказания хунну для беглых ханьцев. Красавец испугался и схватил его за руку:

— Не надо!

Улэйжо оттолкнул его руку и приклеил к его лицу и рукам черные шерстинки, делая его как можно более уродливым.

Когда все было готово, Улэйжо с удовлетворением посмотрел на уродливую и толстую Яньчжи. Красавец был недоволен весь день. Он всегда заботился о своей внешности, потому что его брат был очень красив. Теперь он был грязным и вонючим, как скот, который не мылся годами, и таил в себе скрытую обиду на Улэйжо.

В полдень Улэйжо отвел его на рынок, где они перекусили и купили запас еды. К вечеру они

подошли к пограничной заставе.

<http://bllate.org/book/16253/1462082>